

Режиссер рассказывает о реакции британцев на спектакль «Как вам это понравится», который на этой неделе увидят москвичи.

— **Были трудности в работе над этим спектаклем?**

— Работа приносит мне радость, и работа над этим спектаклем далась нам очень легко и радостно.

— **Что вас подвигло на создание именно этого спектакля?**

— Зыбкость того, чем мы занимаемся: кажется, что творчество исчезло навсегда, а вдруг раз — и оно вернулось. Но его очень легко разрушить. Знаете, дождь или снег как-то объединяют людей. Так же и хороший спектакль: в идеальные свои минуты объединяет зрителей. Вот об этом я хотел поставить. О том, как нечто рождается из ничего, из глупостей, стараниями людей, которые не умеют этого делать.

— **Публика Эдинбургского фестиваля отличается от нашей?**

— Мы никогда прежде не гастролировали в Британии, поэтому боялись, что публика там нас не поймет. Ведь мы же привезли им их собственного Шекспира, да еще и в "нестандартном виде". Но они были нам рады. Когда мы играли последний спектакль, зрители вдруг встали и стали кричать "Браво!". Вставших было так много, что у меня из глаз брызнули слезы. Впервые в жизни. А главное, буквально за день до этого я узнал, что 30 лет назад на этой же сцене мой папа — Анатолий Эфрос — показывал "Месяц в деревне" в моих декорациях. Меня поразила открытость британцев иному театральному языку. Они похожи на умных детей. Наш зритель менее доверчив. Нас так много обманывали, что, в отличие от англичан, мы разучились доверять. Но зато наш зритель считывает в моих спектаклях смыслы, недоступные иностранцам.

— **После победы в Эдинбурге московская премьера, наверное, менее волнительна?**

— Премьера — всегда страшно. А уж от того, что в Англии нас приняли, страх перед московской премьерой только усиливается. Ведь если там сказали "белое", то у нас могут ответить: "Белое-то белое, но только немного серое". Или коричневым назовут. Или вообще черным. Придут люди, которые видели все наши спектакли, которым я доверяю, и мне очень хочется услышать от них, чувствуется ли в наших работах развитие театрального языка, тем. Или новый спектакль — лишь повтор того, что уже было. Я сам знаю, что повторяюсь. К сожалению, это неизбежно. Я даже плюнул на это.

— Вы — режиссер-диктатор?

— С людьми надо по-хорошему, ведь актеры — люди, и режиссер — человек. Театр — это тоска по чему-то хорошему, по какому-то чуду, которое свершилось на моих глазах. Мне интересен процесс, а он возможен только в уважении и любви. Процесс — это божественная вещь, а результат — всего лишь результат. Диктаторскими методами хороший спектакль, пожалуй, можно сделать. Но я бы на это не пошел. Ты занимаешься творчеством. Это же всего лишь театр. Нужно получать удовольствие от него.

Фото Михаила Гутермана

Александр Баркар